

ДУХ И СТИЛЬ КАРТЕЗИАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОПТИКЕ

Динабург С.Р.

Динабург Светлана Роальдовна — старший преподаватель, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Российская Федерация, 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29; e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru.

Аннотация. Интерес к Декарту, его поискам и размышлениям, последующему движению в этом русле и потенциалу этих идей для современности не иссякает. Объектом исследования является картезианство как исток новоевропейской рациональности и как сложный феномен философской мысли и культуры в целом. Предмет исследования — сопряженность *духа* и *стиля картезианства*, образующих в обозначенном дискурсе продуктивное взаимодополнение. Современная рефлексия о рецепции философских школ и направлений как интеллектуальных реконструкций и накопление конкурирующих интерпретаций наследия Декарта обуславливают трудность определения содержания и границ картезианства. «Исторически подлинный» и канонический Декарт классической философии становится множественной концептуальной фигурой («казус Декарта»), а корпус картезианских исследований обогащается реакту-

ализацией метафизических, феноменологических, научных идей и опытов в этом расширяющемся дискурсе. Цель исследования: с одной стороны, показать многомерность картезианства и взаимопересечение процессов дифференциации и интеграции в этой сфере, а с другой — обозначить возможности стратегий метафилософии и трансдисциплинарности для обеспечения целостности знания и сложного мышления о сложных феноменах («сложности»). Мировой тренд переосмысления достижимости «систематической целостности» в 1970-е гг. привел к трансдисциплинарной оптике — переоценке классической рациональности и практического консенсуса, вовлечению всех форм знания в решение жизненных задач и тонкой настройке инструментария. Трансдисциплинарная методология работы задана перспективами метафилософии, исследований «сложности» и приемов философской практики, что реализовано в методе «близкого чтения» (*close reading*). В работе дан краткий обзор дискурсов мета-картезианства, обозначены некоторые трактовки картезианского духа и условия значимости стиля в связке с проблемой единства знания, в итоге показана роль картезианства как напряженного, утверждающего, разделяемого с другими бытия и творческого события. Новизна работы заключается в уточнении концептуальной модели картезианства и расширении практического опыта применения трансдисциплинарного инструментария.

Ключевые слова: «казус Декарта», картезианство, картезианская редукция, когитология, метафилософия, сложность, рациональность, со-бытие, стиль, трансдисциплинарность.

THE SPIRIT AND STYLE OF CARTESIANISM IN MODERN TRANSDISCIPLINARY OPTICS

Svetlana R. Dinaburg

Svetlana R. Dinaburg — Senior Lecturer, Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomolsky prospect, Perm 614990, Russian Federation; e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru.

Abstract. Interest in Descartes, his searches and reflections, the subsequent movement in this direction and the potential of these ideas for modernity, does not run low. The object of the study is Cartesianism as the source of New European rationality and as a complex phenomenon of philosophical thought and culture in general. The subject of the study is the conjugation of the spirit and style of Cartesianism, which form a productive complementarity in the indicated discourse. Modern reflection on the reception of philosophical schools and trends as intellectual reconstructions and the accumulation of competing interpretations of Descartes' heritage make it difficult to determine the content and boundaries of Cartesianism. The "historically authentic" and canonical Descartes of classical philosophy becomes a multiple conceptual figure ("Case of Descartes"), and the corpus of Cartesian studies is enriched by the re-actualization of metaphysical, phenomenological, scientific ideas and experiences in this expanding discourse. The purpose of the study: on the one hand, to show the

multidimensionality of Cartesianism and the intersection of the processes of differentiation and integration in this area, and on the other hand, to identify the possibilities of metaphilosophy and transdisciplinary strategies to ensure the integrity of knowledge and complex thinking about complex phenomena (“complexity”). The global trend of rethinking the attainability of “systematic integrity” in the 1970s. led to transdisciplinary optics — a reassessment of classical rationality and practical consensus, the involvement of all forms of knowledge in solving life problems and fine-tuning of tools. The transdisciplinary research methodology is formed by the intersecting perspectives of metaphilosophy, studies of “complexity” and methods of philosophical practice, which is implemented in the method of “close reading”. The paper gives a brief overview of the discourses of meta-Cartesianism, identifies some interpretations of the Cartesian spirit and the conditions for the significance of style in conjunction with the problem of the unity of knowledge, and finally shows the role of Cartesianism as an intensive, affirmative, shared being and creative event. The novelty of the work lies in the refinement of the conceptual model of Cartesianism and the expansion of practical experience in the application of transdisciplinary tools.

Key words: “Case of Descartes”, Cartesianism, Cartesian reduction, co-being, cogitology, complexity, metaphilosophy, rationality, style, transdisciplinarity.

Введение. Концепция трансдисциплинарности формируется вот уже на протяжении полувека, и чем большую философскую обоснованность она приобретает, тем более ранние корни здесь обнаруживаются. Начинаясь как проект углубления эпистемологической конвергенции дисциплин в исследовательских программах, она быстро интегрировалась в дискуссии о социальных вызовах и сложных, «каверзных» (*wicked*) проблемах современности, и далее

под флагом переоценки классической рациональности и практического консенсуса, она не только предлагает стратегии вовлечения всех форм знания в решение жизненных задач, но и претендует, в некоторых вариациях, на статус мета-философии. Причины такой «экспансии» достаточно очевидны (хотя и потенциально оспариваемы в «войне интерпретаций»). Во-первых, это ответ на ситуацию современной «Вавилонской башни» — «интеллектуальной раздробленности человечества», усиления специализации, разногласий и разобщенности во всех областях человеческой деятельности¹. Во-вторых, это попытка транс-перехода — пересекая очередные «формационные» границы философии, вовлечь определяемый «парадигмой взгляда» (по М. Фуко) способ мышления XIX и XX века в сферу практического действия в его принципиальной совместности (по Ю. Хабермасу), в условиях полемики между обеими «парадигмами» — «дисциплинарной власти» и «незавершенного модерна»². В-третьих, это способ выйти из «тюрьмы языка», используя его образные ресурсы для ясности и интеграции смыслов. Так, выражение «трансдисциплинарная оптика» — это не только метафорически емкая трансформация «дискурса взгляда» от Р. Декарта до Ю. Хабермаса³, от геометрической «диоптрики» — к действию, процессу, «практике взаимопонимания». Но здесь уместно говорить о возвращении от обезличенного «техноса» к высокому мастерству шлифования инструментов и чувствительности «на кончиках пальцев» в духе Б. Спинозы — сопряжению философии, техники, этики, личной ответственности и образа жизни.

Термин «трансдисциплинарность» отсылает к современному способу определения феномена преодолением (транс-) предшествующего состояния. Пожалуй, если сменить латинский префикс на эквивалентный греческий, но более многозначный и интуитивно-проясняющий (собирающий смыслы «через», «меж-

¹ *Schroeder M. J. Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, and Transdisciplinarity: The Tower of Babel in the Age of Two Cultures // Philosophies. 2022. Vol. 7. № 2. P. 26.*

² *Артамонова Ю. Д. Сложная конструкция простого взгляда, или О «поворотках» в философии XX века // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 209.*

³ Там же. С. 206.

ду» и «совместно»), то можно дать синоним — *мета-рациональность*, творческий и практический способ философствования.

Дух современного философствования — задавать наивные вопросы о хорошо известном, находить неожиданные ракурсы и сопоставления, пытаться объяснить современность, чтобы в ней жить. Все эти импульсы выводят к «тайне европейского рационализма» — его «спасительной формуле»⁴ и «претензии на систематическую целостность», за реализацию которой пришлось платить «невозможную цену»⁵. Хотя концепции рационально постигаемого, упорядоченного мира разительно расходятся с рецепциями множественных, разбегающихся реальностей, что сопровождается коллапсом логик, перенасыщенностью рефлексией и рационализированным безумием, все же цепь рациональности не распадается. Отчетливо осознавая опасную грань, сегодняшнее мышление обращается к опыту XVII века, который «вышел из кризиса и заложил духовный фундамент Нового времени благодаря некой обретенной интуиции», смог найти «середину между поляризованными крайностями и каким-то образом переосмыслить три ведущие темы нового сознания: природу, разум и Человека»⁶. Поэтому понятен сегодняшний интерес к картезианству — к размышлениям, что за рационализм был вначале, и «каким будет Декарт “в следующий раз”»⁷.

Методы и материалы. Пространство трандисциплинарных поисков и экспериментов в нашей работе задано несколькими пересекающимися перспективами, заданными в современных исследованиях, — метафилософией⁸, сложностностью (слож-

⁴ Доброхотов А. Л. *Онтология и этика когито* / Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2007. С. 248.

⁵ Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. *Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии* / Философия в современном мире. М.: Философия и наука. 1972. С. 32.

⁶ Доброхотов А. Л. *Онтология и этика когито*. С. 248.

⁷ Там же. С. 247.

⁸ Васильев В. В. *Метафилософия: история и перспективы* // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. №2. С. 6.

ным мышлением о сложном)⁹, теорией практик и практиками философствования¹⁰. Предмет метафилософии — философия в ее целостности, так что обращение к историко-философским штудиям здесь закономерно. Однако методы концептуального анализа и моделирования в метафилософии служат не точному и детальному воспроизведению теорий и реальности, но позволяют фокусировать внимание на метафизических, смысловых, ценностных основаниях философии и сверять их со здравым смыслом¹¹. Для проблемы сложности в трансдисциплинарных исследованиях уже был намечен ряд общих подходов: «био-концепто-графический»¹², сопрягающий планы концептуального осмысления разнообразия реальностей и рассмотрения эмпирических кейсов; модельный, связующий концептуальный, контекстный и личностные уровни участия; консолидирующий, задача которого — «сублимирование общих интересов и забот»¹³. Реализуются они не только через методы-техники, но, в первую очередь, через установки. Так, для консолидации важны отношения к смыслам: мягкие пути предъявления своего, готовность к встрече с инаковостью и открытию «как бы» заново уже известного. Реализация трансдисциплинарности через *стратегии* также преследует цель становления новой *стилистики* отношения к сложным феноменам¹⁴.

Интеграция указанных подходов и принципов работы осуществляется в методе, получившем название «близкого чтения»

⁹ Герасимова И. А., Бургете Аяла М. Р., Киященко Л. П., Розин В. М. Сложность и проблема единства знания. Вып. 2: Множественность реальностей в сложном мире / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН. 2019. 252 с.

¹⁰ Философская практика и высшее образование: в поисках координат построения индивидуальной траектории субъекта образования нового типа. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 224 с.

¹¹ Васильев В. В. Указ. соч. С. 14.

¹² Киященко Л. П. Беспокойство становления целостностью. Вариации на тему трансдисциплинарности // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 83.

¹³ Герасимова И. А., Бургете Аяла М. Р., Киященко Л. П., Розин В. М. Сложность... С. 231.

¹⁴ Там же.

(*close reading*)¹⁵, где совмещены несколько смыслов: сопоставительное чтение ряда разножанровых текстов, позволяющее вскрыть общее конструктивное движение¹⁶ и объединить в межреальность разнородные мнения-реальности¹⁷; исследование авторского контекстуального баланса¹⁸; медленное чтение, идущее дальше, чем герменевтика и компаративистика, восстанавливающее личностное проживание смысла и искусство разговора, практикуемое в движении философов-практиков¹⁹.

Новизна работы, эта ахиллесова пята большинства философских штудий, заключается в уточнении концептуальной модели картезианства и расширении практического опыта применения трансдисциплинарного инструментария.

Классическое картезианство как сюжет. Картезианство (в узком смысле) — это «учение Р. Декарта и направление в философии и науке XVII-XVIII веков»²⁰. Легко поддаваться иллюзии, полагая учение это консолидированным — совокупностью кристально-ясных принципов, исповедуемых определенным кругом лиц. Учение Декарта не было *ставшей* системой — но замыслом великой системы и не излагалось им самим как безупречно-полная концепция, при всех невероятно мощных и продуктивных усилиях Декарта сделать ее доступной. Картезианство не было «школой», хотя это «новое мышление» распространялось, минуя преграды, как огонь на ветру. Картезианцы же, как подчеркивает В. П. Визгин, различались по религиозным и философским воззрениям, образованию и роду занятий, что повлияло на выбор тех идей Декарта, которые «они или уче-

¹⁵ Зорина Н. В. Метод внимательного (медленного) чтения: теория и опыт практического применения // Язык и культура. 2021. № 55. С. 220-233.

¹⁶ Марков А. В. «Антропологическая матрица» в контексте постметафизической мысли // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. №43. С. 83-103.

¹⁷ Герасимова И. А., Бургете Аяла М. Р., Киященко Л. П., Розин В. М. Сложность... С. 9.

¹⁸ Марков А. В. Указ. соч.

¹⁹ Философская практика и высшее образование... С. 167.

²⁰ Визгин В. П. Картезианство // Философская антропология. 2020. №1. С. 140.

нически комментировали, или же стремились творчески развить»²¹. Да и кто бы мог понять и объять *всего* Декарта, угнаться за ним? Историческая параллель с марксизмом иллюстрирует лишь отчасти, какова может быть дистанция между посылом и вариациями, мыслителем и его идейными последователями, а также — диапазон их расхождений между собой. Отдельного пояснения требует судьба идей Декарта в России. При всем внимании и почтении к Декарту (его место — «верхний ряд интеллектуального иконостаса»), именно картезианство в России и не прижилось, зато на нашей почве особо явно пустили корни «страстные заочные диалоги» и «размежевания принципиального характера»²².

Заметим, что эта всеобщая *страстность* философских чувств — к аватару *ясности и рациональности* (начиная с Б. Паскаля, который не мог «простить Декарту»), и непреходящая вовлеченность в принципиальные споры с тем, кто вовсе не собирался быть, как Ницше, «динамитом» — доказательство не только того, что Декарт попал в какой-то нерв эпохи, но и того, что и в нем самом, и в его учении есть какая-то загадка, *тайна рациональности*. Добавим крайнюю полярность поэтических, а не политических, оценок при его популяризации («благодаря Декарту философская мысль возродилась»²³ и «Декарт — первый грандиозный обморок математики»²⁴) — и мы увидим, насколько сложен и противоречив образ картезианства.

Поэтому под картезианством сегодня подразумевается скорее некое определяющее влияние, присутствующее в европейской культуре как «программный код»²⁵ или *дух, отпечатав-*

²¹ Там же. С. 154.

²² Замалеев А. Ф. Картезианство в русской мысли: Историко-философские заметки // Проблемы русской философии и культуры: Сб. научных трудов. Калининград: КГУ. 1999. С. 5-6.

²³ Стретерн П. Декарт за 90 минут. М: Логос. 2005. 88 с.

²⁴ Свасьян К. А. Становление европейской науки. М.: Evidentis. 2002. С. 372.

²⁵ Дудник С. И., Солонин Ю. Н. Декарт и картезианство: к новой парадигме рационализма // Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество.

шийся «на всей новоевропейской рационалистической традиции вплоть до наших дней»²⁶. Сама метафора *печати с образца* — совершенно в духе Декарта и того времени, при абсолютно ясном источнике и гаранте совершенства. Но здесь как будто ускользает мысль, что идущий от Декарта дух претерпел множественные переложения, определенную кристаллизацию идей, новые повороты сюжета, и этот процесс далеко не завершен. Начат он был еще последователями, затем эпохой Просвещения, инициировавшей бурное развитие не только философии, но и научной и общественной мысли, и потому перешел академические пределы и прочно укоренился в популярной культуре. Такой дух и сегодня нередко предстает как *дух системы*²⁷, дедуктивной и исчерпывающей, как «новый Оккам», решительно отсекающий лезвием метода предрассудки и обещающий систематическое устранение любых сомнений; ему же ставится в вину ряд механистических расчленений.

Но в этом имплицитном, как бы очевидном, образе «учения» и «духа» нам кажется важным распознать перспективу и язык самого Модерна, и, следуя духу Картезия, продолжать удерживать позицию методического сомнения. Из перспективы сегодняшнего дня именно факт существования «духа Декарта» наиболее ощутим, тогда как непосредственное обращение к его учению (возможность его прямого «добывания» из исторического материала) составляет комплексную проблему.

И первое, в чем этот дух заставляет усомниться, заключается в том, *было ли дано* «учение Декарта» им самим как *свод или система воззрений*. Идя «от Декарта», исходя из представлений о его *стиле* философствования, уместнее говорить о его размышлениях и намерениях, практических приемах, диалогах с самим собой и другими, просветительстве и влиянии его стиля. Иначе говоря, об учении в ином смысле: как о *разворачивающемся* на протяжении жизни *познании*, как о *со-бытии* — со всеми, внев-

2001. С. 149.

²⁶ Визгин В. П. Картезианство. С. 139.

²⁷ Schroeder M. J. Op. cit.

ременно причастными к свету разума (человеческого и божественного). Сомнение второе, идя от современного понимания конструктивистски-ретроспективного потенциала любого взгляда в прошлое, касается подачи со-бытия как выстроенной системы событий-образов, организации жизненного материала как художественной композиции, легитимизированной линейным временным порядком. То есть предъявления картезианства как неявного *сюжета*. Тем самым, в событии «картезианство», претендующем на свою непосредственность, «событие рассказывания» как одна из двух «неслиянных и неразделенных» сторон, говоря языком М. М. Бахтина, превалирует над «рассказываемым событием»²⁸. Классически понимаемое картезианство выглядит тогда как эпическая история о герое (отце-основателе), принесшем людям новый дар, потомки которого закономерно уступили позиции последующим прогрессивным поколениям, но «дух отца» продолжает жить. «В известном смысле мы все — картезианцы»²⁹, осознаем мы это или нет.

Действительно, абрис этого «известного смысла» стал общим местом. Но классический картезианский дискурс, начиная с первого биографа Декарта А. Байе, был конкуренцией рецепций. Так писал еще советский декартолог Б. Э. Быховский о многочисленных (*состряпанных идеалистических*) «Декартах»: «Декарт, одержимый религиозным рвением (Байэ, Эспина), и Декарт — законспирированный либертинец (неофомисты, М. Леруа); Декарт — ученый-позитивист (Адан) и Декарт-схоластик (Койре и Жильсон); Декарт-феноменалист (Ольджати) и Декарт — трансцендентальный идеалист (Наторп, Кассирер); Декарт-интуитивист и Декарт-гегльянец»³⁰. И, более того, этот дискурс неотделим от борьбы с «горой фальшивок» за «истинного Декарта»³¹,

²⁸ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 403.

²⁹ Дудник С. И., Солонин Ю. Н. Указ. соч. С. 149.

³⁰ Быховский Б. Э. Философия Декарта. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1940. С. 97.

³¹ Там же.

защиты «исторического Декарта» от его интерпретаций — от «Декарта легендарного»³².

Но сегодня, когда «неклассика предъявляет претензии к классическим способам описания мира»³³, недостаточны одни только историко-философские детали и сила аргументации, чтобы вскрывать то, что стоит за смыслами, которые *кажутся* нам известными.

Мета-картезианство и множественный Декарт современности. Итак, пост-современность (обозначим ее здесь через дистанцирование к любым непреложным фактам и заявлениям) отрицает существование *Декарта-в-себе*³⁴ (учение которого, как и его последователей, достаточно изучено и дает вполне определенные ориентиры), как импрессионизм отрицает существование *самого по себе* Руанского собора.

На рубеже XX–XXI веков, когда еще обнаруживала себя тенденция к «объективности анализа философских учений» вследствие освобождения от идеологических влияний³⁵, российскую философию уже накрывали мощные волны деконструкции, социального конструктивизма и фуколдианского подхода к истории и дискурсу. Кроме того, бурное расширение информационного поля привело к тому, что «профанный» дискурс и синергия культурных образов значительно потеснили строгий академический дискурс, так что озабоченность по поводу возможности освоения этого безмерного «культурного архива» стала серьезнее. Привлечение *исторической информа-*

³² Юрченко А. Декарт исторический против Декарта легендарного: к проблеме понятия «субстанция» в картезианской философии / Философические и теологические опыты. М.: Книга. 1991. 251 с.

³³ Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию. М.: РОССПЭН. 2011. С. 30.

³⁴ Лехциер В. «Удар быка» в грудь homo academicus, или О том, что действительно ценно в философском деле // Топос. 2006. №3 (14). С. 135.

³⁵ Залетный А. А. Философская теология Декарта в российской историко-философской литературе 18-20 веков: дис. ...канд. филос. наук. Москва. 2001. С. 3.

тики³⁶ (теории и практики ИТ на службе исторических исследований) к систематизации и анализу нарративов (в том числе и о Декарте) еще только делает первые шаги, хотя вполне можно ожидать версии «аутентичного Декарта» как нейросети на базе искусственного интеллекта.

Но пока на повестке дня смирение с *медиа-гипер-Декартом*³⁷ и нормализация ситуации с *мирадами фигур Декарта*³⁸. Соответственно, мы имеем дело не с тем строгим образцом дискурса-размышления, с которого начинал Декарт, и, как можно было бы надеяться, «время лишь внесло свои коррективы в его структуру»³⁹, но — с многообразием гетерогенных перспектив, «находящихся в состоянии взаимодействия и коммуникации и не поддающихся сведению к единому, всеобщему и фундаментальному основанию»⁴⁰. Эту трансгрессивную совокупность перспектив можно назвать *мета-картезианством*. Сами же перспективы в этой совокупности различаются не только концептуальной точностью, глубиной, последовательностью (что позволило бы установить их устойчивую и репрезентативную иерархию с позиции «истины»), но и другими измерениями: *мотивами* философствования, его *телосом*, языком, аудиторией — что подводит к их различению через призму *стиля*⁴¹. Хотя в мета-картезианском дискурсе они проявляют себя вполне отчетливо, их констелляция довольно условна.

Здесь мы всего лишь наметим такие регионы относительной стилиевой целостности мета-картезианства:

³⁶ Бочаров А. В. Репрезентация исторической информации табличными и графическими средствами математической логики в контексте перспектив исторической информатики // Исторический Ежегодник. Новосибирск: Рипэл. 2009. С. 5-18.

³⁷ Микуртумов И. О «тезисе Фурса» // Топос. 2006. №3 (14). С. 125.

³⁸ Kieft X. Ong-Van-Cung, Kim Sang, éd., Les formes historiques du cogito // Bulletin cartésien L. 2019. P. 221.

³⁹ Дудник С. И., Солонин Ю. Н. Указ. соч. С. 151.

⁴⁰ Фаритов В. Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Москва, 2016. С. 13.

⁴¹ Философская практика и высшее образование... С. 72.

1. Обоснованно упрощенное, вынужденно краткое, часто поверхностное представление позиции Декарта и его последователей в учебной литературе. Это не только «пропись», но и «синтетический Картезий» — там, где у философа полутона, игра света и тени, методист уверенно проводит линию. Знакомство с Декартом с этого начинается, но нередко на этом и заканчивается.
2. Обширное, аргументированное, респектабельное изложение идей и их контекста, где все же господствуют образы и схемы, «выкованные в классических монографиях, академических исследованиях, престижных энциклопедиях»⁴². В этом основа всякой «школьности» и вместе с тем та же, что и выше, ловушка подавляющей убедительности — идеи и фигуры «коснеют, упрощаются, резко и однозначно очерчиваются, лишаясь качества и глубинного измерения».⁴³
3. «Мир декартоведения» — подобен «мирам» или «вселенным» культовых феноменов (фильмов, книг, игр), где генерация и проработка эпизодов, версий и ретроспектив постоянна, а члены фан-клуба (ценители и критики) следят за линиями развития главных и второстепенных персонажей. Здесь все актуально, и любая находка способна развернуть сюжет, боги этого мира — Аутентичность, Новизна и Интерес. Можно различить и отдельные «галактики» — например, *когнитологию*⁴⁴. Цена входа для исследователя в этот мир высока — требуется углубленная работа, доступ к первоисточникам, основательная историко-философская и междисциплинарная эрудиция.
4. «Картезианские размышления» доступны каждому, кто соприкоснулся с путями (1-3) и не исчерпываются примером Э. Гуссерля и М. Мамардашвили. Традиция «медитировать по-картезиански» для философии Модерна значила «начинать мыслить заново или с самого себя, чтобы найти путь

⁴² Дудник С. И., Солонин Ю. Н. Указ. соч. С. 157.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Kieft X. Op. cit.

к обоснованному знанию⁴⁵. В сегодняшней пост-картезианской перспективе это также движение к началу, попытка понять ход картезианских размышлений в позиции вопрошающих, двигаясь по пути знания ретроспективно, чтобы переосмыслить историчность всего того, что было накоплено⁴⁶.

5. Критика картезианства — неотъемлемая часть его самого, поскольку связь с ним сохранялась и в тех направлениях мысли, которые спорили с ним и были созданы для его разрушения⁴⁷. Жанр критики разнообразен — дискуссии с третьими лицами, феноменологические опровержения, упражнения в логике, научные поправки, попытки проститься или предложить свои версии *cogito*. Итог: дух Декарта присутствует «во всех философских текстах, даже если они на вид о другом»⁴⁸ — все опровергали, никто не опроверг.
6. Вольные интерпретации Декарта — оригинальные перепрочтения в духе Ж. Делеза и Д. Агамбена, самопрезентации *cogito*, высказывания под маской «исторического персонажа», изобретения анти-Декарта⁴⁹. В аналитике и плетении смысловых нитей такого рода нет бога, кроме самоцензуры. «Крутизна такой интерпретации — в авантюристности и максимальной свободе от материала, которую автор нащупывает сам в пределах своей компетентности и некомпетентности аудитории»⁵⁰.
7. Фольк-применение идей Декарта — обычно сопровождается в качестве обоснования мемами-сентенциями (квинт-эссенцией того, что не-философу стоит знать о Декарте).

⁴⁵ Riedel M. Principium und Pronunciatum. Descartes' Ego-sum-Argument und der Anfang der ersten Philosophie / Kant-Studien. Vol. 79. No 1-4. 1988. P. 1-16.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Визгин В. П. Картезианство. С. 154.

⁴⁸ Косилова Е. В. Картезианская парадигма. URL: <https://e-v-kosilova.livejournal.com/8421.html>.

⁴⁹ Вороно С. В. Апология агностицизма, Анти-Декарт // Apriori. Серия: Гуманитарные Науки. 2018. № 5.

⁵⁰ Микиртумов И. Указ. соч. С. 126.

Таков, например, *квадрат Декарта* (здесь аллюзии к дуализму, сомнению, ясности, методу и системе координат) — не наследие Декарта-математика, а любимая управленцами и коучами «эффективная техника принятия решений» или «анализа событий» при помощи пары бинарных оппозиций. Еще одна версия *когитологии*: занимательное мышление и логика для повседневной жизни⁵¹, или даже так — влияние, по аналогии с экологией, человеческой мысли на отношения людей друг с другом и с окружающей средой, точнее, практики перевода умственного возбуждения в творческое размышление⁵². Нужно признать, дух Декарта здесь определенно присутствует.

Все эти разнородные стилевые перспективы, пересекаясь и переплетаясь, формируют полифонию современного мета-картезианства. Так, интерпретации в стиле «враки» обнаруживают глубину критики и медитаций⁵³, экспертное мнение декартоведа допускает уместность и неизбежность доли сомнительного анализ⁵⁴, а пост-картезианские размышления в своем движении к исток⁵⁵ могут сторониться «презентизма» и «соскальзывания в прошлое»⁵⁶.

Стиль, дух и проблема сложности. Выражение *дух картезианства* используется в литературе весьма широко (довольно часто и с различными коннотациями), когда нужно подчеркнуть его непреходящий и отличный от «буквы» смысл или общую направленность. В контексте «стиля» картезианство рассматривается реже, и не только потому, что картезианство многообразно и полифонично. Стиль как будто оказывается еще более «ускользающим» концептом современности, чем дух. Хотя тема

⁵¹ Ripoll R. *Cogitologie* / Les Éditions Buissonnières. 2014. 176 p.

⁵² Griffet L. et F. *La cogitologie qu'est-ce que c'est?* URL: <https://bonnepensee.net/cogitologie.html>.

⁵³ Паткуль А. Владимир Фурс как читатель Декарта // *Топос*. 2020. №2. С. 51-63.

⁵⁴ Kieft X. *Op. cit.*

⁵⁵ Riedel M. *Op. cit.*

⁵⁶ Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя. 2010. С. 475.

стилей, жанров, типов и форм философствования и философского мышления активно анализируется и пересматривается, здесь наблюдается определенный парадокс — не так просто совместить типологию мышления, ракурсов и «философем» с риторической, образно-художественной, личностной и культурной архитектурой стиля. Для разговора о стиле «всегда уже» нужен стиль.

В постсекулярной культуре понятие «духа» применительно к явлению (дух культуры, музыки, современности, народа и пр.) стало иносказанием — способом отстранения от метафизического контекста субстанции или сущности через метафору, не порывая с ним совсем. Более того, дух потерял свою конкретизирующую пару: здесь нет, как в случае с человеческим духом, тонких различий с разумом, сознанием, интеллектом, ментальностью, душой, лицом, волей или противопоставлений с другим рядом — природой, жизнью, материей, утилитарной необходимостью, практической активностью⁵⁷. Дух в таком случае — специфическая преемственность и черта, несущая ценностный и концептуальный смысл и воплощаемая в дискурсивных и не-дискурсивных практиках.

По мере того, как дух в новейшей философии и культуре терял свое пространство свободы, значений и популярности, *стиль*, напротив, приобретал. Инструмент вначале, и далее предписание («твердая, объективная, вне-личная система форм»), стиль затем утвердился как «символ победы духа и признак свободного, человеческого отношения к миру»⁵⁸. Именно в эпоху Нового времени, отмеченного драматизмом столкновения классицизма и революции, в стиле стал удерживаться момент устойчивости — традиционная форма уже не давалась заранее как незыблемый канон. Отныне форма «пересоздается», «каждый раз открывается художником заново и несет на себе отпечаток его личности»⁵⁹.

⁵⁷ Доброхотов А. Л. Дух / Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.

⁵⁸ Стиль. Философская Энциклопедия. В 5 т. Т. 5. М.: Советская энциклопедия. 1970. С. 135.

⁵⁹ Там же.

Поскольку стиль стал предполагать характерное единство какого-либо феномена человеческой жизни и деятельности, самопроявление человека вовне⁶⁰, постольку он оказался сопряжен с вечным философским вызовом — проблемой *целостности*, и, словами М. Мамардашвили, *всем тем же и все о том же* «в “вечном настоящем” человеческого становления <...> на что вообще способен (или не способен) человек перед лицом непреклонных законов цельности и полноты бытия»⁶¹. Стиль становится значимым и самоценным, полагает С. Сонтаг, осознается как внутренняя проблема в те моменты истории, когда под прикрытием стиля обсуждаются концептуальные решения «в ответ на угрозу устоявшимся представлениям об истине, нравственности и даже естественности»⁶². Да и сами разговоры о стиле, продолжает она, это один из способов говорить о целостности, вынужденно используя метафоры.

Метафора — это ценный дискурсивный подарок, ведь стиль собирается и разворачивается в уникальном своеобразии, вбирая в себя множество взаимно согласованных деталей, что практически невозможно передать при помощи формализованного описания⁶³. Но стиль также и раздираем противоречиями.

Во-первых, как заметила С. Сонтаг, в культуре нас постоянно преследует «мнимый антагонизм формы и содержания»⁶⁴ — как весьма поверхностное впечатление того, что стиль — это лишь фасад, обертка того, что «внутри», так и представление о том, что «стиль» разрушает подлинность. Хотя можно признать, что феномен не содержит никакого отдельного «содержания», которое лишь приукрашивается стилем, вопрос их органичной связи непросто, отчасти и потому, что необходимость наличия содержания — «это, по сути, особая стилистическая условность»⁶⁵.

⁶⁰ Там же. С. 135.

⁶¹ *Киященко Л. П.* Указ. соч. С. 77.

⁶² *Сонтаг С.* Против интерпретации и другие эссе. М.: Ад Маргинем Пресс. 2014. С. 28.

⁶³ *Философская практика и высшее образование...* С. 71.

⁶⁴ *Сонтаг С.* Указ. соч. С. 30.

⁶⁵ Там же. С. 31.

Во-вторых, известна проблема «инерции стиля», как неизбежная жертва «всем тем бесконечным и непредвиденным жизненным содержанием», которое не укладывается в рамки достигнутого, статичного единства⁶⁶.

Вот почему имеет смысл рассматривать вместе *дух* и *стиль*, образующих в дискурсе продуктивное взаимодополнение. Их целостность достижима лишь как некая седиментация *становления*, по известному выражению Г. Гегеля, как «неустойчивого беспокойства»⁶⁷, в игре консолидации и трансгрессии, где можно заметить, переосмыслить моменты утраты духа, отбрасывания значимости стиля и ложной завершенности, и вновь ввести их в игру.

Но, как показывает анализ ряда доступных отечественных и зарубежных источников, восприятие «духа картезианства» еще только «стоит на пороге» обозначенной выше перспективы *сложности* и становления целостности, где была бы возможна интеграция личностного и социокультурного бытия, способная вместить их многомерность. Мы вынуждены оставить эту богатую материалом и волнующую тему для отдельного рассмотрения, дадим лишь несколько характерных примеров того, как представлен «картезианский дух»:

- а) как позиция, логически и познавательно противоположная схоластике⁶⁸ (Ч. Пирс), которую надо преодолеть ради более зрелой и современной. Здесь дух картезианства — и основоположение «новой философии», и сила авторитета, которой подвержено большинство современных Пирсу философов;
- б) как высшая степень доверия (доходящая до «немыслимых границ») к собственному разуму и *cogito*-центризм единственно и действительно существующей мыслящей вещи⁶⁹.
Здесь дух картезианства производит далее всю последую-

⁶⁶ Стиль... С. 135.

⁶⁷ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: Издательство АСТ. 2019. С. 110.

⁶⁸ Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М: Логос. 2000. С. 48-51.

⁶⁹ Назаренко А. Ф. Рене Декарт как основоположник европейской интеллектуальной революции // Kant. 2018. №4 (29). С. 166-170.

щую «философию сознания», разрабатывая сложные отношения между инстанциями интуиции, как основания аксиом, и мышлением, строящим формализованные системы.

в) как «инвариант западного духа»⁷⁰ (В. Визгин), знающий пору своего торжества, но присутствующий в современности в тех или иных формах. С одной стороны, здесь этот дух картезианства трактуется шире, чем только лишь «привлекательное учение» философии и науки, он универсален в качестве «популярной интеллектуальной установки» и «законодателя культурной жизни в самых разных ее областях». И Декарт сам дал образцы этой культурной широты — например, следуя за образами эпохи (культ зрелищ вообще и театра в частности), ввел антитезу «мировой сцены» и «закулисья», непосредственного восприятия явления и понимания механизмов. Но сформированный совокупно, последователями Декарта и *духом эпохи*, «картезианский взгляд на вещи» отнюдь не являет собой полноту Декартового замысла и понимающего разума. Он обнаруживает, следуя за поэтической формулой И. В. Гете, стремление «разделить сущее на разум без остатка», если собрать воедино его черты⁷¹:

- привилегии общего и абстрактного перед единичным и конкретным;
- «всеохватывающий рациональный порядок», «воля к решительному упрощению культурных и познавательных ориентиров»;
- «последовательность, ясность и уверенность в своей правоте», «рационалистическая квазирелигия с высоким градусом агрессивности по отношению к конкурентам и соперникам»;
- математико-механистический универсализм.

Этот-то рационализирующий дух *упорядоченности и схематизации* в его «протеистическом присутствии» и полагается

⁷⁰ Визгин В. П. Картезианство. С. 153-154.

⁷¹ Там же.

инвариантом в истории западной философии. Действительно, два исторических обстоятельства нельзя отрицать. Во-первых, этому духу составила оппозицию широко понимаемая «философия жизни», не только фокусируемая на опровергающей любые схемы, уникальной и конкретной жизни, но также вбирающая в себя научно-философские осмысления природы и общества. И во-вторых, он оживает в XX веке «в преображенном виде в структурализме, неопозитивизме, аналитической философии и в редукционистских теориях»⁷², выказывая свою неизбежность.

Вопрос в другом: является ли этот *инвариант* именно картезианским, или же принадлежит ранней традиции, фундируя в целом европейский проект философии и науки? И может ли инвариант духа в своем «структурирующем» проявлении исполнять животворящую миссию духа, а не «мертвящей буквы»?

На наш взгляд, именно *тематизация* с ее потенциалом «конфигуратора разнообразия» и «объединяющего начала»⁷³, а не однозначные ответы на риторические вопросы, может быть здесь полезна.

Обозначим только здесь два принципиальных и взаимосвязанных положения. С одной стороны, основополагающее и необходимое стремление к ясному и простому описанию мироздания (в частности, систематизаторские усилия Аристотеля и нацеленность схоластики объяснить все сущее) приводят к ситуации перегруженности изначально стройной системы исключениями и дополнениями на все случаи жизни — «непроходимую чащу всевозможных дефиниций, классификаций и аргументов»⁷⁴, по слову Х. Ортега-и-Гассета, пока не произойдет радикальный сдвиг, поворот или парадигмальная революция. Таким образом, периодические упрощения картины мира (в смысле «решительного избавления от накопленных нагромождений») неизбежны, но в преодолении наследия есть риск возвращения назад, в до-насле-

⁷² Там же. С. 155-156.

⁷³ Киященко Л. П. Указ. соч. С. 80.

⁷⁴ Визгин В. П. Картезианство. С. 153.

дуемую эпоху⁷⁵, питаемый надеждой построить новую «истину возможного» — ясную, обозримую и удобную. С другой стороны, последовательно проводимая уверенность и требование ясности перерождается в *рационализм плоский* — «самоуверенный»⁷⁶ и «просвещенческий»⁷⁷. Одна из его главных черт, ответственность за которую нередко возлагается на Декарта, заключается в объяснении жизни человека, общества и хода истории в свете, далеком от торжества разума, а именно — в логике инструментального «калькуляционизма»⁷⁸, или, словами М. Хайдеггера, в логике исчисляющего рассудка.

Проследить трансформацию картезианского духа от Декарта до наших дней — это отдельная интересная задача и концептуальный вызов, поскольку сегодня дискуSSIONНЫ сами принципы культурной передачи и понимания прошлого. Но нам кажется, здесь одинаково опасны иллюзии относительно «вечности» (непреходящего смысла) исходного духа-инварианта и, напротив, его перерождения или ничтожения. Иная перспектива позволяет увидеть, как пишет и сам В. П. Визгин, что какая-либо тенденция или фигура существует в фоне другой и в смене их активности «нет окончательности и завершенности»⁷⁹. Этот подход коренится в понимании, что та комплексная определенность, которая формирует и оформляет культурные процессы и события (вбирающая в том числе и «человеческое сознание во всем своем объеме, со всем, что есть в нем неизвестного») сама «исключительно подвижна, “волатильна”»⁸⁰.

В этой перспективе обнаруживает себя важнейший аспект сопряженности двух современных вызовов — взаимосвязи духа и стиля с проблемой единства знания в ситуации сложности, динамичности мира. Как уже было показано методологической

⁷⁵ Пирс Ч. С. Указ. соч.; Фишман Л. Г. Постмодерн как возврат к Просвещению // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 69-79.

⁷⁶ Фишман Л. Г. Указ. соч. С. 76.

⁷⁷ Доброхотов А. Л. Онтология и этика когито. С. 247.

⁷⁸ Там же. С. 259.

⁷⁹ Визгин В. П. Очерки истории французской мысли. М.: ИФРАН. 2013. С. 110.

⁸⁰ Там же.

рефлексией, «стратегии преодоления сложности» не являются достоянием лишь современности, первые из них были намечены Платоном и Аристотелем и разработаны в Новое время⁸¹. Стержневым напряжением в проблеме множественности (не-единственности) реальностей и знаний всегда была *задача соотношения простоты и сложности*, ввиду риска неоправданной редукции и вульгарного упрощения. В картезианстве, в силу его собственной неоднородности и сложности, эта задача не всегда находила глубокое осмысление, но, тем не менее, были предложены разные решения.

Не углубляясь в методологический анализ «стратегий преодоления сложности»⁸², лишь наметим здесь абрис возможных культурных смыслов в дихотомии «простое-сложное», отразившихся в развитии картезианства. Стиль классицизма, питающий картезианство и подпитываемый им, как «простое представление о простом мире» был не только подражанием древним в их ясности и величии, но и антитезой избыточной «сложности» предшествующих «законодателей» жизни — онтологической и эстетической вычурности барокко, логической изощренности схоластики, неконсистентности и непрозрачности науки. Картезианство предложило свою стратегию достижения «простоты», альтернативу научной и мирской, дурно организованной сложности. Во-первых, это картезианская прафеноменологическая редукция, осуществляемая «Картезием» (Декартом в классической рецепции) — «практическое преобразование всего наличного опыта к простому единству самосознания, и одновременно теоретический отчет о нем»⁸³, которая послужила основой метода. Во-вторых, картезианская методологическая редукция — расчистка и устройство пространства: освобождение научного и житейского мышления от предрассудков, предложение универсальных принципов систематичности (на основе преимущественно геометри-

⁸¹ Герасимова И. А., Бургете Аяла М. Р., Киященко Л. П., Розин В. М. Сложность ... С. 9.

⁸² Там же.

⁸³ Железняк В. Н. Классическая теория познания. Пермь: ПНИПУ. 2017. С. 15.

ческих и механических моделей) и «вынесение за скобки» всей нередуцируемой, невыразимой сложности духовной жизни, корящейся, в пределе, в Божественном бытии. Становление классической парадигмы в философии и науке происходило и далее в русле совершенствования в своей основе редукционистских схем, базирующихся на «агрегативном» понимании сложности — т. е. как «сложенности» из простых элементов⁸⁴.

Но поскольку редукции — лишь временные, трудно удерживаемые состояния индивидуального или культурного сознания, то «сложность» прорывается через границы редукции или входит «законным путем», благодаря экзистенциально-личностной компоненте метода или практики (своего рода «духу», взыскующему утерянной целостности) и способу философствовать, воплощающему целостность через стиль выражения и образ жизни. На этом пути, как известно, две крайности равно подстерегают философское мышление — ортодоксальное единообразие и фрагментация «пространства понимания». Обе тенденции неустраимы, признаются сущностными аспектами интегральных и дифференциальных онтологий⁸⁵ и проблематизируются современными рефлексиями о «сложенности». В частности, это идеи о том, что можно минимизировать опасность расслоения «единого пространства понимания», если философское (да и научно-методологическое) мышление сможет выражать себя «обычным человеческим языком» и «художественным присутствием в культурном пространстве», понимаемым как «сознательное преодоление “духа абстрактности” в “конкретности” философской речи, которое достигается ориентацией на искусство и литературу, но без утраты базовых констант философского мышления как поиска истины»⁸⁶. Близость к повседневности, живой язык, ориентация на искусство, концептуальный анализ и оттачивание

⁸⁴ *Ополев П. В.* Проблемы концептуализации сложности в науке и философии // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 16.

⁸⁵ *Фаритов В. Т.* Указ. соч.

⁸⁶ *Визгин В. П.* Очерки истории французской мысли. С. 110.

практических инструментов на основе погружения в эмпирику — это современные стратегии преодоления сложности.

Тогда «казус Декарта» может быть раскрыт через *оба смысла* простоты в познавательных практиках — как интеллектуального упрощения сложности («схематизирующее» картезианство) и «как духовный синтез, обнимающий сложность и **сложность**»⁸⁷.

Свет разума и «подвесные мосты» трансдисциплинарности.

Картезианство и эстетика классицизма не раз рассматривались в одном контексте — идеи Декарта и рационализма в целом о разумной закономерности мира в качестве философской основы классицизма как художественного стиля⁸⁸, или изоморфность доктрины классицизма и философии Декарта при сопоставлении двух параллельных культурных процессов⁸⁹. Иногда отмечается, что и сам Декарт проявил себя как незаурядный стилист, когда искусно пользовался свободой выбора жанра своих произведений и выразительностью французского языка, желая достичь ясности понимания для широкой аудитории.

Но нам кажется важным выделить перспективу, где стиль Декарта — это *нечто большее*, чем его индивидуальная манера выражения. Именно для трансдисциплинарной оптики характерна рецепция: стиль Декарта — это составляющая его метода, «он раскрывает свой метод через стиль. Это можно выразить иначе: метод проявляется в стиле и с помощью стиля, причем стиля, понимаемого как проявление человеческой самости (*l'homme même*)»⁹⁰.

Полагая за основу в рационализме стилевой стержень классицизма (разумность, порядок, простота, ясность), его методич-

⁸⁷ Герасимова И. А., Бургете Аяла М. Р., Киященко Л. П., Розин В. М. Сложность... С. 12.

⁸⁸ Писарчик Л. Ю. Р. Декарт и классицизм // Вестник ОГУ. 2005. №1. с. 41-57.

⁸⁹ Хитров А. Идея метода: философия Декарта и доктрина литературного классицизма. М.: ИФ РАН. 2005.

⁹⁰ Ильин М. В. Картезианский момент. Новые рассуждения о стилях и методах в старомодной манере Декарта // МЕТОД. 2020. № 10. С. 23.

ность, нужно иметь в виду, что Декарт предложил не только метод-процедуру, но и способ мышления — путь, который нуждается в *подготовке условий* для проявления интуиции и «сам обнаруживает те факты, которые ему союзны»⁹¹. Инструментальный базис практики (*технэ*) для «взлета интуиции», выверенность уровня детализации-сложности, который «нравится» нашему разуму (принцип классицизма), обращенность к собеседнику и достойная с ним дистанция — это та «механика» творческого мышления, которая сопровождает и тайну рациональности.

Этот способ мыслить не подчиняется механике переноса — его можно только освоить в личной, но разделяемой (консолидированной) с другими, практике, что и пытаются осуществить разные версии трансдисциплинарности.

Однако, как напоминает В. В. Биbihин, Декарт «затеял “игру с огнем и острым железом, опасную для малолетних и неразумных”, но вместе с тем необходимую»⁹². Мысль эта, «не вполне понятая, всех по-разному задевающая», *ключ* «к пониманию новоевропейской эпохи», все же ясно указывает на взыскание основательных и прочных установлений в философии (познании). Современность, в следовании духу модерна и оптике трансдисциплинарности, вовлекает нас в «достаточно сложные и причудливые отношения классики и современности» (и других парных перспектив). И в этом «взаимораскрытии» и «взаимопрояснении»⁹³ ставит в положение между двумя зеркалами, множащими отражения.

Ведет ли куда-то это *умножение версий* и перманентное *переосмысление оснований*, кроме как в *беличье колесо* «незавершенного модерна»? Нередко наращивание теоретизирования считается самоценным⁹⁴, но в концептуальной ротации некоторые идеи

⁹¹ Цит. по: Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя. 2010. С. 458.

⁹² Биbihин В. В. «Метафизические Размышления» / Новая философская энциклопедия. М.: Мысль. 2010.

⁹³ Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Указ соч. С. 32.

⁹⁴ Проект социальной философии Владимира Фурса: идеи, контекст, перспективы // Топос. 2013. №3. С. 105.

устаревают раньше, чем достигают зрелости. Так, Ю. Хабермас с теорией коммуникативного действия выпал из актуальной повестки, не вызвав особого интереса в широкой академической среде, и даже снискав пренебрежение с позиций критической социальной теории за «компромисс»⁹⁵ — отсутствие «настоящей критики» и попытки социального «умиротворения»: это «старая машина, которая не заводится», имеющая лишь символическую ценность⁹⁶.

В этой ситуации трансдисциплинарность, впитав из интеллектуальной атмосферы конца XX века идеи «бесконечного и несовершенного выражения смысла»⁹⁷, установки «парадигмы взаимопонимания» и вдвигания теории в жизненный мир, делает следующий шаг. Этот шаг через границы «постметафизического мышления», «критической теории» и, благодаря их импульсам, — в сторону эвристической социально-укорененной практики. Ориентированные на решение конкретных проблем, трансдисциплинарные исследования реализуют не чисто «процедурную рациональность» и «ситуирование разума» (локализованное в «конечности и фактичности»)⁹⁸, а удерживая перспективу «нередуцируемой целостности сложности»⁹⁹, отыскивают пути (стратегии и инструментарий) для подведения к такому решению. Одним их общих признаков трансдисциплинарных исследований в различных подходах является сопряжение академического мира и повседневности (путем привлечения «экспертов» и «профанов» к решению общих задач)¹⁰⁰, вследствие чего еще более актуализируется проблема взаимопонимания и взаимопроникновения различных традиций, путей и стилей философствования. Здесь приходится иметь дело не только с уже давно тема-

⁹⁵ Там же. С. 110.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Артамонова Ю. Д. Указ. соч. С. 210.

⁹⁸ Малкина С. М. Аналитика постметафизического мышления у Ю. Хабермаса // Изв. Саратов. ун-та. 2015. №3. С. 31.

⁹⁹ Киященко Л. П. Указ. соч. С. 79.

¹⁰⁰ Герасимова И. А., Бургете Аяла М. Р., Киященко Л. П., Розин В. М. Сложность...; Киященко Л. П. Указ. соч.; Schroeder M. J. Op. cit.

тизируемой дифференциацией «философии философов», с одной стороны, и «эссеистики», «проекций», жизненных и духовных практик — с другой, но и с возникающими различиями в философском поле. Корни этих новых дифференциаций (которые не имеют, тем не менее, четких границ и выступают, скорее, как модели или оппозиции), как, например, философия кабинетная и экспериментальная¹⁰¹, конвенциональная и событийная¹⁰², через дискуссии о неорациональности и опыте, так или иначе тянутся к Декарту. Так что, не разрыв и противопоставление, а консолидация и дополнение в эвристике порядков соединения качественно-различного — так сегодня может прочитываться Декарт, и так пробрасываются «подвесные мосты» трансдисциплинарности¹⁰³ в пространстве «между»: не только взыскав прочности и основательности, и в простоте духовного синтеза, как мы указали выше, но и в эстетике и цельности стиля.

Заключение. В обсуждаемой теме трудно отрешиться от тяготения к тривиальным, но беспроигрышным выводам. По крайней мере, следующие четыре мысли могли бы претендовать на роль резюме:

1. поскольку Декарт — отец новоевропейского рационализма, то он является и праотцом трансдисциплинарности;
2. единство духа и стиля — инвариант ценностного синтеза (проявленного еще в античной калокагатии), маркирующий консолидирующие и облагораживающие дискурсы;
3. современные многозначные, многословные и многообещающие разговоры об онтологии и эпистемологии сложности предлагают в итоге «эклетику» инструментальной сборки, дискурсивного ассамбляжа и духовного синтеза;
4. погружение в историко-философский экскурс, нужный, в конечном счете, для обоснования и понимания предпосы-

¹⁰¹ Васильев В. В. Указ. соч. С. 6.

¹⁰² Паткуль А. Указ. соч. С. 57.

¹⁰³ Киященко Л. П. Указ. соч. С. 81.

лок современных дискуссий из контекста другой эпохи, есть результат наложений и отражений многих перспектив.

Хотя все эти утверждения верны в своей основе, такое резюмирование было бы искусственной иронией или наивным подведением к слишком общему знаменателю. Оставим их в качестве краугольных, тематизирующих указателей. Для «случая Декарта» было важно показать, что *многомерность* картезианства — созданная не только теоретизированием основателя, но и его жизненными проявлениями, и последующим пере-освоением (мыслителями, институциями, дискурсами и практиками) — это *со-бытие* и длящееся *творческое событие*. При этом *дух картезианства* стремится ускользнуть от «догмата “чистого мышления”»¹⁰⁴ не в меньшей мере, чем ныне субъект — опровергнутый и разыскиваемый.

Связь этого духа с принципами трансдисциплинарности не только в самой интеграции знания, а в характере этого единства. Соглашаясь, что Декарт добивался «строгости и доказательности своих теорий», отдавал «предпочтение дедуктивной методологии, выстраивая метафизику по образцу математики»¹⁰⁵, нужно также согласиться, что опыт фундаментальной самоидентификации, решимость мыслить и воля к истине — вместе с их экзистенциально-личностными предпосылками и правилами жизни¹⁰⁶ — не укладываются в сферу математики и образ строгой науки. Добавим, что образ жизни Декарта — *почти* номадический, *почти* «жизнь в бегах», *почти* уклонение от «властных дискурсов» — это своего рода «маргинальность» наоборот. А именно, не «существование в зазорах между дискурсами», предлагаемое фуколдианским проектом «человеку западной культуры»¹⁰⁷, а бытие напряженное, утверждающее, плодотворное, часто мучительное,

¹⁰⁴ Дьяков А. В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии»... С. 46.

¹⁰⁵ Васильев В. В. Указ. соч. С. 9.

¹⁰⁶ Железняк В. Н. Указ. соч. С. 25.

¹⁰⁷ Дьяков А. В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» ... С. 47.

включающее эти *зазоры между* в свой интеллектуальный и жизненный поиск.

Будет ли преувеличением сказать, что вся философия Нового времени — спекулятивная, критическая, позитивистская, экзистенциальная, аналитическая (список этот открытый) — поднялась в битве с духом картезианства, и этим духом питаема? Но что сегодня ясно и отчетливо — сквозь интеллектуальные богатства всего разнообразия равно прорастают новые мифы, предрассудки, софистика и кинизм, а отчуждению не видно конца. Миру нужны основания — для заботы о бытии, цельности знания, созидательных решений и готовности к моральным поступкам. Дух рациональности, проницающий все перегородки и ограничения, не исключая своих собственных — порыва и расчета, умеющий выразить себя ясно, убедительно и глубоко, — миру служит, но и призывает к служению.

Литература

Артамонова Ю. Д. Сложная конструкция простого взгляда, или О «поворотах» в философии XX века // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 206-212.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

Бибихин В. В. «Метафизические Размышления» / Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль. 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/hash0132ab52a76b27fb4bfd8532> (дата обращения: 20.09.2023).

Боcharов А. В. Репрезентация исторической информации табличными и графическими средствами математической логики в контексте перспектив исторической информатики // Исторический Ежегодник. 2009.: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Рипэл. 2009. С. 5-18.

Быховский Б. Э. Философия Декарта. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1940. 116 с.

Васильев В. В. Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 6-18.

Визгин В. П. Картезианство // *Философская антропология*. 2020. №1. С.139-162.

Визгин В. П. Очерки истории французской мысли. М.: ИФРАН. 2013. 133 с.

Вороно С. В. Апология агностицизма, Анти-Декарт // *Apriori*. Серия: Гуманитарные Науки. 2018. № 5. С. 3.

Гаспарян Д. Э. Введение в неклассическую философию / Д. Э. Гаспарян. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. 398 с.

Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М.: Издательство АСТ. 2019. 912 с.

Герасимова И. А., Бургете Аяла М. Р., Киященко Л. П., Розин В. М. Сложность и проблема единства знания. Вып. 2: Множественность реальностей в сложном мире / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН. 2019. 252 с.

Доброхотов А. Л. Онтология и этика когито / *Избранное*. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2007. С. 247-259.

Доброхотов А. Л. Дух / *Новая философская энциклопедия*. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0ea82473b0fe73df681b0> (дата обращения: 20.09.2023).

Дудник С. И., Солонин Ю. Н. Декарт и картезианство: к новой парадигме рационализма // *Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры*. СПб: Санкт-Петербургское философское общество. 2001. С. 149-157.

Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя. 2010. 672 с.

Дьяков А. В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» // *Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия»*. 2008. №2. С. 45-53.

Железняк В. Н. Классическая теория познания / *Расширенный лекционный материал для аспирантов философских специальностей*. Пермь: ПНИПУ. 2017. 77 с.

Залетный А. А. Философская теология Декарта в российской историко-философской литературе 18-20 веков: дис. ...канд. филос. наук. Москва. 2001. 131 с.

Замалева А. Ф. Картезианство в русской мысли: Историко-философские заметки // *Проблемы русской философии и культуры: Сб. научных трудов*. Калининград: КГУ. 1999. С. 3-13.

Зорина Н. В. Метод внимательного (медленного) чтения: теория и опыт практического применения // Язык и культура. 2021. № 55. С. 220-233.

Ильин М. В. Картезианский момент. Новые рассуждения о стилях и методах в старомодной манере Декарта // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2020. № 10. С. 22-76.

Киященко Л. П. Беспокойство становления целостностью. Вариации на тему трансдисциплинарности // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 76-86.

Косилова Е. В. Картезианская парадигма. [Электронный ресурс] URL: <https://e-v-kosilova.livejournal.com/8421.html> (дата обращения: 20.09.2023).

Лехциер В. «Удар быка» в грудь homo academicus, или О том, что действительно ценно в философском деле // Топос. 2006. №3 (14). С. 133-141.

Малкина С. М. Аналитика постметафизического мышления у Ю. Хабермаса // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. №3. С. 31-36.

Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии / Философия в современном мире. М.: Философия и наука. 1972. С. 28-94.

Марков А. В. «Антропологическая матрица» в контексте постметафизической мысли // Вестник Свято-Филаретовского института. 2022. №43. С. 83-103.

Микиртумов И. О «тезисе Фурса» // Топос. 2006. №3 (14). С. 125-132.

Назаренко А. Ф. Рене Декарт как основоположник европейской интеллектуальной революции // Kant. 2018. №4 (29). С. 166-170.

Ополев П. В. Проблемы концептуализации сложности в науке и философии // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2019. №48. С. 15-23.

Паткуль А. Владимир Фурс как читатель Декарта // Topos. 2020. №2. С. 51-63.

Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М: Логос. 2000. 448 с.

Писарчик Л. Ю. Р. Декарт и классицизм // Вестник ОГУ. 2005. №1. С. 41-57.

Проект социальной философии Владимира Фурса: идеи, контекст, перспективы // Топос. 2013. №3. С. 98-115.

Свасьян К. А. Становление европейской науки. М.: Evidentis. 2002. 448 с.
Сонтаг С. Против интерпретации и другие эссе. М.: Ад Маргинем Пресс. 2014. 352 с.

Стиль. Философская Энциклопедия. В 5 т. Т. 5. М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Ф. В. Константинова. 1970. 740 с. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/philosophy/articles/1189/stil.htm> (дата обращения: 20.09.2023).

Стретерн П. Декарт за 90 минут / [пер. с англ. Т. Л. Ждановой]. М: Логос. 2005. 88 с.

Фаритов В. Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Москва, 2016. 318 с.

Философская практика и высшее образование: в поисках координат построения индивидуальной траектории субъекта образования нового типа: монография / под ред. Е. В. Гредновской. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 224 с.

Фишман Л. Г. Постмодерн как возврат к Просвещению // Вопросы философии. 2006. №10. С. 69-79.

Хитров А. Идея метода: философия Декарта и доктрина литературного классицизма // Коллаж-5. М.: ИФ РАН. 2005. С. 91-111.

Юрченко А. Декарт исторический против Декарта легендарного: к проблеме понятия «субстанция» в картезианской философии / Андрей Дякон. Философические и теологические опыты. М.: Книга. 1991. 251 с.

Griffet L. et F. La cogitologie qu'est-ce que c'est? [Electronic resource] URL: <https://bonnepensee.net/cogitologie.html> (date of access: 09/20/2023).

Henry J. The Spirit of System: René Descartes and the Mechanical Philosophy / A Short History of Scientific Thought. Palgrave Macmillan. 2011. pp.129-139.

Kieft X. Ong-Van-Cung, Kim Sang, éd., Les formes historiques du cogito // Bulletin cartésien L. 2019, pp. 220-221.

Riedel M. Principium und Pronunciatum. Descartes' Ego-sum-Argument und der Anfang der ersten Philosophie // Kant-Studien. Vol. 79. No 1-4. 1988. P. 1-16. URL: <https://doi.org/10.1515/kant.1988.79.1-4.1>

Ripoll R. Cogitologie / Les Éditions Buissonnières. 2014. 176 p.

Schroeder M. J. Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, and Transdisciplinarity: The Tower of Babel in the Age of Two Cultures // Philosophies. 2022. Vol. 7. № 2. P.26. <https://doi.org/10.3390/philosophies7020026>.